
Сладкая
цена доверия

Vika Love

Сладкая цена доверия

https://litres.ru/74749727
SelfPub; 2026

Аннотация

Она называет ту ночь "самой сладкой ошибкой" - и уходит, оставив деньги: "Ты заслужил". Стыд тянет её вниз, но он не даёт ей упасть. Он берёт руль, становится её водителем и тихо, без пафоса, закрывает собой от чужих планов. "Я тебя не отпущу" звучит как обещание, которое он выполняет. Это драма о том, как доверие рождается из защиты.

Содержание

Сладкая ошибка 4
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Vika Love
Сладкая цена доверия

Сладкая ошибка

Он только вышел из ванной, накинув полотенце, и ещё не успел выдохнуть после ледяного душа — как в дверьрванули так, будто хотели выбить её с петель.

«Кто настолько смел? Кому не важна собственная жизнь?» — мысль мелькнула и оборвалась. Алексей распахнулдверь.

На пороге стояла Ксюша. Глаза голубые, дыхание рваное, пальцы вцепились в косяк так, что побелели костяшки.И в этом взгляде не было ни кокетства, ни просьбы. Только вызов — и за ним пустота, которую она пыталась чем-то заткнуть.

— Давай переспим, — сказала прямо, будто рубила верёвку.

Алексей застыл. Полотенце, мокрые волосы, коридор, где любой мог пройти мимо. В голове щёлкнуло: «Ястолько этого ждал, а теперь не могу сделать шаг, потому что вижу — это не она говорит».

— Не ты, так кто-то другой, — бросила Ксюша, и в этих словах было столько отчаяния, что оно ударило сильнеелю-

бой страсти.

И тогда он поцеловал её. Не чтобы взять, а чтобы вернуть из той пустоты, куда она падала. Холодные пальцы,тепло его ладони, тишина, в которой не было места словам.

Дальше всё сложилось из коротких, резких деталей: щелчок замка, как будто отрезал их от остального мира;холод металла её браслета на его запястье; его ладонь на её спине — не давящая, а удерживающая, будто онпроверял: «Ты здесь, ты настоящая». Тело уже не слушало ни её, ни его, но даже в этой спешке он старался непотерять её взгляд.

Ксюша проснулась первой. В комнате было серо от рассвета, а тишина казалась плотной, будто хранила все слова,которые они так и не сказали.

Одеяло сползло на пол. Она резко натянула простыню до подбородка, не столько от холода, сколько от желанияспрятаться. Потом посмотрела на Алексея. Он спал. Голова чуть откинута, черты мягкие, и от этой спокойнойнеподвижности становилось почти больно: он выглядел так, будто ему ничего не страшно, будто весь этот мирдля него — просто комната, кровать и тишина. А у неё внутри всё сжималось.

Ей хотелось, чтобы он проснулся и сказал хоть что-то — сердито, спокойно, хоть как-нибудь, — чтобы можнобыло зацепиться за слово и не чувствовать себя такой потерянной. Но он не просыпался. И эта его тишина былахуже любого упрёка.

На тумбочке остывал чай, а на полу лежала пуговица от

рубашки Алексея — маленькая, ничем непримечательная, но такая настоящая. Ксюша подняла её, покрутила в пальцах, потом спрятала в карман халата,будто это был нелепый, но единственный якорь.

«Это была самая сладкая ошибка в моей жизни», — вдруг подумала она. И от этой мысли стало одновременнолегче и страшнее. Потому что теперь она знала: даже если всё остальное было подстроено, даже если её тело ейне принадлежало, рядом с Алексеем она хотя бы на одну минуту перестала быть просто разменной фигурой вчужих планах.

Она резко поднялась и оделась, стараясь не смотреть на него слишком долго, будто боялась, что если посмотритещё секунду — не уйдёт. Достала из кармана смятые купюры — она мяла их всю ночь, пока ждала рассвета.Положила на тумбочку рядом с чашкой, не вкладывая в руку, просто опустила и отступила на шаг.

Алексей чуть шевельнулся во сне, нахмурился, будто почувствовал сквозняк от приоткрытой двери, но непроснулся. Пауза длилась три удара сердца.

Ксюша развернулась и вышла, пока ноги ещё держали.

Коридор встретил её тишиной, но эта тишина была чужой. Каждый шаг отдавался в висках, будто дом специальноделал пол громче, чтобы она не смогла уйти незаметно. Она шла, не глядя по сторонам, и пыталась удержатьспину ровно — не для него, не для себя, а просто чтобы не рассыпаться на части прямо здесь, в этом длинном,холодном коридоре.

Когда дверь подъезда хлопнула за её спиной, воздух ударил в лицо — сырой, уличный, пахнущий мокрымасфальтом и свободой, которой она не знала, как пользоваться. Ксюша остановилась на секунду, прислонившись кстене, и только тогда поняла, что дышит. По-настоящему дышит, а не хватает воздух, как в той комнате.

Город вокруг ещё спал. Редкие машины проносились мимо, оставляя за собой влажный след на дороге. Ейхотелось просто стоять и смотреть, как капли стекают по стеклу витрины, как свет фонаря дрожит на мокромтротуаре — на что угодно, лишь бы не думать. Но думать не получалось.

«Зачем я это сделала?» — этот вопрос крутился в голове, как заезженная пластинка, и каждый раз она отвечаласебе одной и той же фразой: «Потому что мне нужно было почувствовать, что я могу хоть что-то решить сама».Даже если это решение было кривым, отчаянным и горьким. Даже если цена оказалась выше, чем онарассчитывала.

Ноги сами несли её домой — туда, где её ждали не объятия, а вопросы, которые никто не собиралсяформулировать вежливо. Дом Алёны был не домом, а полем, где каждый предмет служил маркером: «ты здесьчужая».

Ксюша открыла дверь своим ключом, стараясь сделать это как можно тише. Не из вежливости, а из привычки:тише войдёшь — позже заметят. Но тишина в прихожей оказалась обманчивой.

Алёна сидела в гостиной, ровно, как на приёме, в халате,

который стоил дороже всей одежды Ксюши вместевзятой. На коленях — планшет, на лице — выражение человека, который уже всё решил и теперь просто ждётповода озвучить.

— Ты рано, — сказала Алёна, не поднимая глаз. — Или поздно. Смотря с какой стороны посмотреть.

Ксюша замерла в проёме, пальцы до побеления вцепились в лямку сумки. Хотелось развернуться и уйти, но уйтибыло некуда.

— Я гуляла, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Алёна наконец подняла взгляд. В нём не было злости — в этом и была главная опасность. Там была скука ирасчёт.

— Гуляла, — повторила Алёна, будто пробуя слово на вкус. — Знаешь, в твоём возрасте я уже умела непопадаться на глаза, когда выглядишь так, будто провела ночь не на прогулке.

У Ксюши внутри что-то сжалось, но она не опустила глаз. Если опустишь — проиграешь.

— Я не обязана перед тобой отчитываться.

— Обязана, — спокойно поправила Алёна. — Пока живёшь в моём доме, ты обязана делать ровно то, что тебеговорят. И не создавать проблем. А ты, кажется, сегодня решила собрать все возможные проблемы в одну корзину.

Ксюша сжала кулаки, чувствуя, как ноготь впивается в ладонь. Это была маленькая боль, которая помогаладержаться.

— У меня нет проблем, — сказала она твёрже, чем чув-

ствовала.

— Нет проблем? — Алёна чуть наклонила голову. — Тогда почему у тебя в кармане смятые купюры? Ты ведь непошла продавать себя на улицу, правда? Это было бы слишком банально даже для тебя.

Ксюша побледнела. Она не думала, что деньги так заметны. Или, что ещё хуже, она не думала, что Алёна умеетзамечать такие детали.

— Это не твоё дело, — голос дрогнул, и она возненавидела себя за это.

— Всё, что происходит в этом доме — моё дело, — отрезала Алёна. — И если ты думаешь, что можешь простоприходить и уходить, когда тебе вздумается, ты ошибаешься. Ты здесь не гостья. Ты часть плана. А планы нелюбят, когда их детали убегают в ночь.

Слово «детали» ударило больнее, чем любая ругань. Потому что именно это она и чувствовала — что она деталь.Разменная фигура. Фигура, которую можно двигать, менять местами, использовать.

— Я ничего не ломала, — прошептала Ксюша, и это прозвучало жалко даже для неё самой.

— Ты ломаешь самое важное, — сказала Алёна уже тише, почти ласково. — Ты ломаешь доверие. А без доверия внашей семье ничего не работает.

Ксюша хотела сказать что-то резкое, что-то, что поставит точку. Но слова не шли. Вместо этого она вспомнилапугови-

цу в кармане. Маленькую, глупую пуговицу, которая вдруг стала единственным доказательством того, чтопрошлая ночь была не просто «ошибкой», а моментом, когда кто-то пытался её удержать, а не использовать.

— Мне нужно переодеться, — сказала она, отступая назад.

— Иди, — кивнула Алёна. — Но помни: я всё вижу. И я не люблю сюрпризы.

Дверь её комнаты закрылась с тихим щелчком, который прозвучал как защёлкнутый замок. Ксюша прислониласьк ней спиной и наконец позволила себе выдохнуть. Руки тряслись, а в груди всё сжималось так, будто она бежаладесять километров без остановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.